

Москва. Комсомолец, 1981, 3/II

ЕСЛИ ОТБРОСИТЬ СРАВНЕНИЯ

ПРИВЫЧНЫЕ определены жанра — комедия, трагедия, водевиль — уже не устраивают драматургов. В наших театрах идут «героическая поэма», «сценический роман», «спектакль-песня».

Расширение границ театрального искусства? Да. Оказывается, можно поставить и сыграть на сцене и эпическую поэму («Дон Жуан» Байрона в Ленинградском театре комедии), и песни советских композиторов (спектакль учеников Г. Товстоногова), и переписку двух исторических лиц. Если только найти театральную форму, соответствующую содержанию.

В основе «Незримого друга» Ю. Осноса (автор назвал свое произведение документальной повестью) — переписка. Между Петром Ильичом Чайковским и Надеждой Филаретовной фон Мекк.

Осуществил «Незримого друга» Московский театр имени Пушкина (режиссер В. Успенский).

Многое настораживало. И вторичность драматургического приема (после «Милого лжеца» и «Элегии»), и появление спектакля вслед за фильмом «Чайковский» с И. Смоктуновским в заглавной роли. И то, что здесь роль великого композитора доверена Ю. Горобцу, актеру скорее бытового, чем высокоинтеллектуального плана.

Что ж, все это так. Форма спектакля действительно перестала быть оригинальной и новой. Сравнение с масштабным двухсерийным фильмом явно не в пользу камерного спектакля.

Но... Попробуем забыть все это. Постараемся судить о спектакле как о таковом — без всяких сравнений. Как воспринимает его большинство зрителей. Им дела нет до «Милого лжеца» и «Элегии». Они пришли не в ЦТСА, а в театр имени Пушкина! Что же они увидели?

Увидели умную, благородную, самостоятельно мыслящую и затаенно страдающую женщину. Именно такой рисует Л. Антониук Надежду Филаретовну.

Увидели артиста Ю. Горобца, который в гриме П. И. Чайковского читает его письма к фон Мекк.

Увы, это еще не Чайковский. Это Ю. Горобец. Но скажите, если опытный артист будет читать письма, содержание которых само по себе глубоко, интересно, поучительно, и сделает это с достоинством и тактом, — разве вы останетесь равнодушными?

Да, диалог двух в этом спектакле неравен. Л. Антониук поднялась до перевоплощения, до создания целостного характера умной и любящей женщины. Ю. Горобец — нет. Правда, ему гораздо труднее. Надежда Филаретовна хот и умница, но женщина обыкновенная. А Чайковский — гений... И то, чего все же добился Ю. Горобец, заслуживает по крайней мере уважения.

Есть в спектакле и третий важнейший участник. Я

имею в виду не кого-то из исполнителей эпизодических ролей, хотя по крайней мере один из них — Ю. Ильчук в роли певца Торсова заслуживает всяческой похвалы. И не конструкцию художника В. Кривошеиной, тоже достаточно выразительную.

Речь идет о музыке Петра Ильича Чайковского. О фрагментах из струнного квартета, Четвертой и Шестой симфоний и т. д. Музыка в спектакле не только иллюстрирует действие. Она углубляет его и облагораживает. И здесь хочется назвать человека, имя которого в рецензиях никогда не упоминается, — заведующего радиоузлом, заслуженного работника культуры РСФСР С. А. Петрова. Это он обеспечил отличное воспроизведение гениальной музыки.

...У зрителей после спектакля строгие, задумчивые глаза. Почти никто не рвется побыстрее в раздевалку. Значит, встреча с Чайковским все-таки состоялась. Значит, спектакль нужен.

Б. ЕВСЕЕВ.